

В мире животных мы — абберация;
желание овладевает нами, посылает
в драном тюле на вечные поиски,
но никогда не подскажет, где
зарыта косточка или желудь.

Мэри Джо Бэнг. «Апология желания»

Семью Альтер объяло пламя. Всю осень у них что-то вспыхивало и загоралось — впрочем, поначалу никто не видел связи между этими презнаменованиями, и зловещими они стали казаться только задним числом. В сентябре Итан, закуривая, обжег палец, а три дня спустя из-за неисправной горелки взбесилась газовая плита: долго и тщетно щелкал поджиг, после чего полыхнул огонь, зацепивший рукав Франсин. На пятидесятый день рожденья Артура, который скромно отмечали на заднем дворе дома, с морковного торта на землю упала свечка. От нее успели заняться несколько сухих листьев, но Мэгги тут же их затоптала.

Настоящая же геенна огненная разверзлась в ноябре. Вечером Франсин сидела у себя в кабинете: к ней пришли Маркус и Марго Вашингтон, супружеская чета адвокатов — специалистов по авторскому праву. Пришли они впервые (по рекомендации общего знакомого), однако Франсин была о них наслышана. В прошлом апреле они блестяще отстаивали интересы молодой пиринговой файлообменной сети, с которой судилась хип-хоп-группа, написавшая популярную песню с непечатным названием. Впрочем, Вашингтоны отнюдь не производили впечатления успешных людей: Маркус тупо смотрел на свои колени, Марго нервно

трясла ногой. Они хотели, чтобы Франсин прописала им антидепрессанты.

— Вы поймите, ситуация очень деликатная, — сказала Марго, стискивая сумочку. — Никто не должен об этом знать.

Франсин прекрасно все понимала. Род Марго пустил в Сент-Луисе глубокие корни: история семьи представляла собой затейливую легенду о наследстве и принципе *jus soli*. Предком Марго якобы был французский дворянин Пьер Леклерк — зажиточный торговец пушниной и владелец необъятных земельных просторов в колониальном Сент-Луисе. По легенде, он освободил одну из своих наложниц, Вирсавию, и переписал все земли на ее имя — надеясь таким образом отвязаться от кредиторов. Вирсавия, недолго думая, распродала собственность, ввергнув род Леклерков в пучину судебных разбирательств на несколько поколений вперед. Потомки Леклерка представляли собой эксцентричных персонажей на передовой сент-луисской аристократии (точнее, того, что от нее осталось), да и Вашингтоны пользовались пристальным вниманием высшего общества — главным образом потому, что были одной из двух чернокожих семей на Ленокс-Плейс, элитной улице с закрытым въездом неподалеку от Централ-Уэст-Энда.

— Разумеется, — кивнула Франсин.

Марго окинула комнату придирчивым взглядом:

— Давно работаете на дому?

— С тех пор, как сюда переехали. Уже четыре года.

— Четыре года, — протянула Марго и повторила, словно примериваясь: — Четыре года!

До того как Альгерты перебрались из Бостона в Сент-Луис, эта комната была застекленной террасой — пристройкой с западной стороны дома. Сквозь прозрачную стену Франсин всю осень наблюдала, как неспешно опадали в саду выжженные листья красных кленов. На отдельную входную дверь она повесила табличку с гравировкой, недвусмысленно указывающей на род деятельности нынешней хозяйки дома. Артур не хотел тратиться на табличку (и тем более на звукоизоляцию), но Франсин настояла на своем. Она знала, как ценят клиенты приватную обстановку и респектабельный фасад.

Домашний офис стал для нее своего рода утешительным призом: если бы не он, Франсин ни за что не согласилась бы на переезд, из-за которого ей пришлось бросить высокооплачиваемую работу в частной клинике Ньютона. И хотя теперь она принимала пациентов в небольшой комнатке у себя дома, ее имя постепенно приобрело известность в таких пригородах Сент-Луиса, как Университи-Сити, Клейтон и Ладю.

— Никто пока не жаловался, — добавила Франсин.

Марго решительно кивнула и поставила сумочку рядом.

— Ладно. Я начну. — Она села удобнее и расправила плечи. — Чтобы вы знали — а вам, полагаю, надо это знать, — у моего мужа появилась странная склонность, привычка, которой я не приемлю и которая может разрушить наш брак.

— Мне бы хотелось послушать самого Маркуса, — сказала Франсин. — Маркус, удобно ли вам об этом говорить?

Тот молча щурился в мандариновых лучах закатного солнца, бьющих в окна.

— Он не желает с вами разговаривать.

— Маркус, — снова попытала удачи Франсин.

— Он вообще не хочет это обсуждать. Но надо принять какие-то меры! — Марго на секунду умолкла. — Ладно, говорю как есть: мой муж любит переодеваться. Для него это... ну, такая эротическая игра.

Франсин вновь посмотрела на Маркуса. Тот молчал. Чтобы сдержать улыбку, она незаметно закусила изнутри щеки.

— Что ж... Маркус, мне бы очень хотелось узнать ваше мнение по этому вопросу.

— Он говорит, ему нравятся ощущения. Теснота костюмов. Резина — как вторая кожа.

— Резина?

— Ну латекс. Да. Он надевает облегающие костюмы и изображает домашнего питомца.

— Так... понятно. — Франсин немного поерзала на стуле. — Маркус любит притворяться собачкой.

— Не только собачкой. Иногда еще кошкой. Или, например, хомяком — это полный бред, потому что хомяки живут в клетке и бегают в колесе, а Маркус... Маркус — уважаемый судебный адвокат и владелец юридической фирмы. — Марго нырнула в свою сумочку и достала оттуда черную маску с длинными ушами. — Надевай, — приказала она мужу.

— Это совсем не обязательно, — сказала Франсин.

— Что вы, ему так нравится! Он с удовольствием все продемонстрирует. Надевай, Маркус.

Не успела Франсин вмешаться, как Маркус живо схватил маску и натянул ее на лицо.

— Видите? Нет, вы видите, с чем я вынуждена мириться?!

Франсин кивнула. Она начинала понимать, что к чему. В основном ее клиенты из уважаемых пригородов делились на две категории: те, кому действительно была необходима ее помощь, и нервные натуры, которых настораживали любые перемены в своем настроении. Последние полагали, что даже небольшое уныние — признак депрессии, а легкие приступы паники — не иначе как первые звоночки генерализованного тревожного расстройства. Вашингтоны, рассудила Франсин, наверняка относятся ко второй категории. Они просто хотят услышать слова поддержки и ободрения, убедиться, что с ними все нормально.

В последнее время Франсин только и делала, что поддерживала и ободряла. Ей это порядком надоело. Хотелось вложить во что-то всю душу. Она трудилась не покладая рук, днями напролет, стараясь производить хорошее впечатление на новых клиентов — и ради чего? Ради пустых бесед о безобидных заскоках? Жизнь, с ее повседневными битвами, и без того тяжела.

Взять хоть Мэгги. Бедняжка без конца закатывает истерики из-за школьного спектакля на День благодарения. Она хотела сыграть индейца — да, в 2000 году сей политически некорректный термин по-прежнему был в ходу в начальной школе «Кэптейн», — а получила роль Рога Изобилия. Итан тем временем взял привычку запирается в своей комнате. Он полностью отошел от дел семьи и променял родных на компьютер (осмотрительно купленный, к слову, лишь после того, как все убедились, что проблема 2000 года — надуманная). Деньги на компьютер он заработал сам, каждое

лето трудясь в Еврейском культурном центре в Крев-Кёре, и теперь успешно отражает наскоки матери веским аргументом: «Это мои деньги. Что хочу, то и покупаю». В довершение всего на прошлой неделе руководство университета отказалось даже рассматривать кандидатуру Артура на заключение бессрочного контракта. Вот уже четыре года он числился приглашенным профессором на инженерном факультете, хотя гостем давно себя не чувствовал. Артур преподавал больше дисциплин, чем все его коллеги, состоял в бесчисленных комитетах, а главное — неосмотрительно взял ипотечный кредит на дом. Однако на днях декан факультета Сахил Гупта сообщил ему, что не может ничего поделывать, «пока бюджет не устаканится». Артур теперь топает по дому, матерится себе под нос и время от времени твердит, как мантру: «Бюджеты сами собой не устаканиваются!»

Маркус, не снимая маски, спросил:

— Чем это пахнет?

— Не уходи от темы! — рявкнула Марго.

— погоди... — Маркус потянул воздух через носовое отверстие маски. — Что-то горит.

— Доктор Альтер, он просто хочет увильнуть от разговора. Да ведь?

Франсин принялась:

— Я тоже чувствую запах гари.

Воздух в кабинете начал сереть.

— Так. Быстро выходим.

Франсин и Вашингтоны вышли в коридор, где уже собрались Артур, Итан и Мэгги. Вскоре они все стояли полукругом на улице, а небо над ними стремительно багровело. Где-то за пределами Шуто-Плейс протяжно завывали сирены.

— Это кто? — спросила Мэгги, показывая на Маркуса.

Марго свирепо сощурилась:

— А ну сними маску! Пугаешь ребенка!

— Я его не боюсь, — возразила Мэгги.

Рев сирен становился громче. Артур заметался по тротуару.

— Что вы натворили? — спросил он всех сразу.

— Ничего! Я ничего не делал! — выпалил Итан.

— Я разучивала слова, — ответила Мэгги.

— Какие слова? Ты же Рог Изобилия! — воскликнул Артур.

Вокруг замелькали огни. К ним подъехала пожарная машина.

— Рога Изобилия не разговаривают, — пробормотал Артур себе под нос и заспешил к пожарным.

— А я разговариваю! — крикнула Мэгги ему вслед. — Мне дали слова!

— Он знает, милая, — проворковала Франсин, — знает.

Из соседнего дома в стиле крафтсман осторожно вышла Линн Жермейн.

— Все хорошо? — услужливо спросила она с крыльца. — Что-то горит?

— Все нормально, — отмахнулась Франсин. Щеки ее становились краснее с каждой минутой. Как это неловко и стыдно — выставлять напоказ свою жизнь, торчать тут у всех на виду...

Марго отправила Маркуса заводить машину. Тот вздохнул и поплелся прочь. Она долго и пристально смотрела ему вслед, затем перевела взгляд на Артура, потом — на Франсин.

— А вы? — спросила она, кивая на пожарную машину. — Вы давно женаты?

Ответить Франсин не успела: Артур вернулся к ней, а трое пожарных отправились штурмовать дом. Еще двое развернули шланг и понесли его к пожарному гидранту у дома Жермейнов. Сердце у Франсин сжалось, когда они стали загонять Линн домой.

— Что вы натворили? — опять спросил Артур. Он погрыз ногти, посмотрел на пожарную машину, на дом... — Пойду туда.

— Не мешай людям работать, — сказала Франсин.

— Они же не знают, где там что. Не знают, какие ценные вещи надо спасать.

— Да не будут они спасать твои вещи! Люди пожар тушить приехали.

— Ой, смотрите! — воскликнула Марго. — Из окна валит дым!

Артур рванул к дому. Франсин успела схватить его за воротник рубашки — крепко, решительно, чтобы наверняка. «Такая уж моя доля», — подумала она. Ей было очень стыдно делать это при Марго, стыдно держать мужа, не давая ему броситься на верную смерть, когда прямо у них на глазах горела синим пламенем вся их жизнь, и думать при этом: «Ну что бы он без меня делал?»

ЧАСТЬ I

— На сей раз ты идешь с нами.

Мэгги знала Эмму с тех пор, как они обе носили брекеты, но та неуклюжая девчонка, что играла на саксофоне в школьном джаз-банде с энтузиазмом, оправдывающим нелепость инструмента (да и джаза в целом), теперь училась на втором курсе юридического. В гостиной у Эммы толпились однокурсники — одни с кем-то обнимались, другие просто стояли, уверенно подбоченясь. На мини-кухне прозрачные водочные бутылки с матовыми надписями делили столешницу с пластиковыми канистрами «Просто апельсинового». Мэгги могла поклясться, что знает гремевшую из колонок песню, но сосредоточиться и вспомнить имя исполнителя мешали оглушительные уведомления о сообщениях (к стереосистеме был подключен чей-то мобильник).

— Вечно ты приходишь к самому началу, — продолжала Эмма. — А потом испаряешься — типа никто не заметил!

— Неправда! — возмутилась Мэгги.

— Что ж, тогда тем более — сегодня ты идешь с нами.

Мэгги скрипнула зубами и уставилась на оранжевое кольцо жидкости на доннышке своего одноразового стаканчика. В другом конце комнаты зубастый парень в модных очках пародировал кого-то, кого Мэгги не знала.

— Здесь куча интересных людей! — добавила Эмма, обводя рукой толпу однокурсников.

Мэгги нахмурилась. Какой-то постановочный кадр, ей-богу: все такие собранные, такие ладные, такие самоуверенные. Ее охватила паранойя. А вдруг эта вечеринка, это сборище будущих финансовых аналитиков и адвокатов организовано специально для нее? Мэгги не могла избавиться от чувства, что подруги устроили этот парад перспективных молодых людей ей в назидание.

— Что ты хочешь этим сказать?

Эмма подняла руки:

— Да ничего, ничего!

Мэгги немного успокоилась. В конце концов, дела ее не так уж плохи: денег на съемную комнату хватает. Чтобы их заработать, она трудилась во благо славных жителей Куинса. А главное, она была сама себе начальник. Обычно это значило, что целыми днями она бегала по мелким поручениям, сидела с детьми или общалась с городскими инстанциями от имени своих испано-, русско- и китайскоговорящих соседей. Что просили — то и делала. Неквалифицированный труд, словом. За пять месяцев Мэгги набрала приличную клиентскую базу, которая состояла главным образом из иммигрантов, считающих американское гражданство полезным навыком. Работа была благодарная, но не слишком высокооплачиваемая. Мэгги всегда немножко голодала.

К ним подкрался тот самый зубастый парень.

— Мы тут Зиглера обсуждаем, — сказал он.

— А, Зиглера! — воскликнула Эмма.

— Кто это? — спросила Мэгги.

— Наш препод. Читает лекции по деликтам.

— Что такое деликт?

— Противоправное действие, влекущее за собой...

— А, ладно. Не важно.

Зубастый обиделся.

— О'кей, — сказал он.

Эмма решила их познакомить:

— Это Мэгги, моя школьная подруга.

— Чем занимаешься? — спросил парень, щурясь.

Недавно Мэгги устроилась к одной полячке на Гимрод-стрит — вести беседы с ее новорожденным сыном. Говорить можно было о чем угодно, лишь бы по-английски. Подразумевалось, что ребенок впитает язык с младых ногтей и вырастет билингом. Но в первый же день, как только мать младенца вышла из комнаты, Мэгги впала в ступор. За целый час она не выдавила из себя ничего, кроме «Э-эм», «У-ум» и «Хм-м»: сперва ее парализовывали нервы, а затем чувство вины — десять баксов она не заслужила! «Простите, пожалуйста, я не могу взять ваши деньги, — сказала Мэгги полячке. — Но к следующему разу я придумаю, что сказать, обещаю».

От голода она не умирала и, честно говоря, не без удовольствия отказывала себе в возможности есть досыта. Это делало ее немножко святой. Мэгги зарабатывала ровно столько, чтобы иметь такую возможность и без труда отказываться от лишних денег. Она скрупулезно ограничивала себя в тратах и потребляла

только необходимое, заслуженное количество пищи. Проблема была в том, что ее тело не видело разницы между сознательным голодом и обычным. Оно, тело, не разделяло ее идеологических взглядов и знало лишь один «голод» — нехватку питательных веществ. Поэтому Мэгги худела. За два года скинула шесть фунтов, что, в общем-то, немало, когда у тебя и так нет ни грамма лишнего веса.

Поначалу легкость в теле и головокружение были ей даже приятны. Мэгги ходила по улицам Риджвуда с умеренным трезвоном в голове, размывавшим границы сознания. А потом ее желудок отрастил когти. Впервые она встревожилась, когда потеряла сознание в облаке из пяти ароматов на заднем дворе «Гонконгского супербуфета»: ноги предательски подкосились, и она упала на асфальт. На первом семестре обучения в Дэнфортском университете Мэгги посещала курс «Азы философии: основы западной мысли». Еехватило ровно на две недели, после чего она выбрала что-то менее умозрительное. За это время Мэгги успела выучить термин «психофизиологическая проблема», но не его определение. И теперь она решила, что как раз столкнулась с такой психофизиологической проблемой. Тело выдвигало Мэгги свои требования, а та ее часть, что определяла ее как личность, — видимо, «я» — парила в вышине, словно шарик на веревочке.

Эмма помахала рукой у нее перед глазами:

— Мэгги! Брайан задал тебе вопрос.

Если не считать малого веса, Мэгги имела удивительное сходство с покойной матерью: у нее были рыжевато-каштановые вьющиеся волосы Франсин Кляйн

Альтер и точно такая же бледная россыпь веснушек на переносице. Но если Мэгги была миниатюрной, то Франсин имела крепкое телосложение (не плотное, не коренастое — крепкое), говорившее о твердости моральных убеждений. От отца, с которым Мэгги не хотела иметь ничего общего, она унаследовала слегка выступающий лоб. Форму их черепу, очевидно, придавали могучие удары мятущегося мозга.

— С ней все нормально? — спросил Брайан.

— Тебе надо поесть, — сказала Эмма. — У меня где-то завалились кукурузные чипсы...

— Нет, нет, — замахала руками Мэгги. — Я не голодна.

— Точно?

Она кивнула. Подумаешь — легкое головокружение!

— Ага.

— Ну ладно. Что ж... Собирайся. Выходим через десять минут.

— Куда?

— Скоро узнаешь.

Мэгги окинула взглядом комнату. Раз в несколько минут кто-то отделялся от одной группы и переходил в другую, а от той группы в свою очередь непременно отделялся еще кто-нибудь. Состав компаний в гостиной без конца менялся, причем количество участников в каждой компании оставалось прежним: эта социальная термодинамика одновременно завораживала и отталкивала Мэгги.

— В том-то и проблема, — сказала она. — Все присутствующие куда-то движутся — из точки А в точку Б.

— В смысле? Мы идем в бар. Все вместе.

Мэгги вскинула брови:

— Только не надо сгребать меня в одну кучу со «всеми».

Эмма вздохнула:

— Здесь такие классные люди собрались. И умные! — Она пихнула Брайана в бок. — Брайан вообще гений.

Мэгги покачала головой:

— Не могу.

— Мэгс! У меня же день рожденья! — Эмма безнадежно улыбнулась. — Ты моя самая давняя подруга. Ну пожалуйста! Один разочек! Ради меня?

А вот это ей даже польстило — неужели она действительно знает Эмму дольше (а значит — лучше) всех? Но ведь понятно же, чем закончится дело. Она купит себе один коктейль за шестнадцать долларов и остаток вечера будет жалеть, что так потратилась. Вдобавок придется слушать беседы о том, почему первый год учебы в сто раз труднее второго, и отвергать ухаживания парней в одинаковых голубых рубашках.

— Извини, никак не могу.

Улыбка Эммы померкла.

— Можешь, но не хочешь. Зря ты все так усложняешь. Жить надо проще.

А вот и нет. Жизнь как раз трудна, причем почти для всех, а те, кому она дается легко, должны сознательно чинить себе трудности — иначе сгниешь изнутри. Мэгги не могла спокойно смотреть на веселье людей, которым было что терять.

От этих мыслей ее замутило. Голова шла кругом. Гремевшая из колонок музыка как будто начала за-

едать. Неужели никто больше не слышит? Капля пота скатилась в стаканчик. Мэгги протянула руку и хотела схватить Эмму за плечо, но так и не дотянулась.

Конечно, она понимала, что не стоило пропускать обед, но до обморока ее довел двенадцатилетний мальчишка, любивший распускать кулаки.

Два раза в неделю она приходила домой к Бруно Накахаре — якобы помогала ему и его брату делать уроки. Однако новообретенный интерес Бруно к смешанным единоборствам привел к тому, что все ее тело покрылось синяками — добытыми в нелегкой борьбе кровоподтеками цвета залежалого мяса. Бруно утверждал, что оттачивает на Мэгги свое мастерство.

— Ща навалю! — проорал он сегодня, швырнув Мэгги на пол.

Хотя за встречи с Бруно ей почти не платили, Мэгги терпела и даже поощряла его побои. Они были наглядным доказательством того, что ее работа требует жертв. Мать Терезу всю скрючило, у Ганди ребра вылезли наружу. Ну а у Мэгги есть синяки. Признак сильного характера. Так всегда бывает с теми, кто пытается творить добро: рано или поздно обязательно получаешь по шапке.

Семья Накахара обитала в крошечной, но не слишком уютной квартирке, окна которой выходили на неказистое сердце Риджвуда, пересечение Сайпресс, Миртл и Мэдисон-стрит — негативное пространство, где тихими воскресными вечерами можно было услышать все составляющие района по отдельности: отбивающие время церковные колокола, потрескивающие

неоновые вывески, тридцатилетнюю вражду лысого человека и голубя.

— Уфф, — пробормотала Мэгги.

Она кое-как выбралась из-под Бруно и заковыляла по комнате.

— Кажется, у нас по-прежнему проблемы с самоконтролем.

Она всегда говорила «мы», имея в виду кого-то из мальчиков. Это помогало установить доверительные отношения.

В гостиной семьи Накахара неизменно стояла вонь горелых такитос, пицца-роллов и прочих полуфабрикатов, составлявших рацион Бруно. Эту вонь то и дело пронзали насквозь пуки полудохлого золотистого лабрадора по кличке Цветик, давно уже залегшего в угол умирать. Пол был застелен ковром грязно-бежевого цвета, похожим на лежалый снег у обочины дороги. Над коричневым диваном из кожзама висели два портрета в рамках: Майкл Джексон и (Мэгги спросила) Петр Порошенко.

— С самоконтролем проблем нет. Просто у меня ОВР, — сказал Бруно, имея в виду оппозиционно-вызывающее расстройство, про которое он вычитал в интернете. — Это реальный диагноз, между прочим. Есть такое расстройство!

Однако правильная постановка диагноза — еще полдела.

— Вот именно, расстройство, — сказала Мэгги. — Не болезнь.

За полгода их знакомства Бруно перебрал множество увлечений, среди которых были выкидные ножи, чревоугодие и пиромания. Хотя Мэгги считала сме-

шанные единоборства попыткой чокнутых боксеров найти философское оправдание своей тяге к рукоприкладству, это хобби Бруно нравилось ей больше остальных. Все же спорт, как-никак. И дает видимые результаты. Плоды Бруновых трудов сперва стали заметны на его собственном теле, а затем перекочевали и на ее.

— Уроки сделаны! — крикнул Алекс из-за кухонного стола залившимся, словно колокольчик консерджа, голосом.

Если Бруно был крепыш (как зверушка из воздушных шариков: мускулистые и раздутые руки-ноги с тонкими тугими сочленениями), то его брат казался миниатюрным и грациозным, гладеньким, обтекаемым. Чистая кожа, иссиня-черные волосы.

— Наша тренировка окончена? Тогда делай математику. Ах да! Сперва вытащи из духовки то, что там обуглилось, пожалуйста.

Она расстегнула ремень, которым ее большая плечевая сумка крепилась к груди, и та упала, тихонько звякнув молниями, на ковер. Освободившись от сумки, Мэгги начала готовить квартиру к предстоящим занятиям: положила три остро наточенных карандаша поближе к доминантной руке Алекса, а затем села на стул Бруно, чтобы свернуть окно с кровавой компьютерной игрой и открыть «ворд».

И тут, словно по сигналу, в кухню заглянул отец мальчиков — затрапезного вида японец, с которым ее до сих пор не познакомили и который почти не говорил по-английски, что было странно, ведь мальчики не знали японского. Он окинул комнату долгим озабоченным взглядом и вновь скрылся в спальне.

— Бруно, садись!